

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

„МАЯКОВСКИЙ НАЧИНАЕТСЯ“

Николай Асеев. — «Маяковский начинается».
Повесть в стихах. 1940 г.

Нам дорого все, что связано с именем человека, которого по праву называют певцом пролетарской революции. Нам близко все, что имеет отношение к поэту, чей облик удивителен и неповторим. Все новое, что появляется в литературе о Маяковском, с исключительным интересом и волнением, с особым «пристрастием» принимает читатель.

Тем более понятно, что выступление одного из ближайших соратников и любимых друзей Владимира Владимировича — большого советского поэта Николая Асеева с повестью в стихах «Маяковский начинается» явилось событием, значение которого в нашей литературе трудно переоценить.

Повесть с нетерпением ожидали еще задолго до появления в свет отдельного издания, с жадностью читали отрывки и варианты, печатавшиеся в журналах. И вот читатель с избытком вознагражден. Он получил произведение страстное, правдивое, смелое, новаторское.

...По кривым улицам купеческой Москвы, по петербургским торцовым мостовым проходит человек «на других не похожий». Обыватели словно для того существуют рядом с ним, чтобы подчеркнуть: он — самого большого роста, самый широкий в плечах, самый громкоголосый. И любовь этого человека — несравненно большая, чем у других, и ненависть острее, и мысль пытливей, и взгляд шире.

Какой-то
гордящийся новой породой,

отмеченный
раньше не бывшей красой,
весь широкоглазый
и широкоротый,
как горы,
умытые насвеж росой...

Это — Маяковский.

Однако повесть лауреата Сталинской премии Н. Асеева — не об одном человеке. Особенность ее в том, что поэт изображен не отдельно, не изолированно от окружающей среды. Недаром книге предпослан эпиграф из «Краткого курса истории ВРМ(б)»: «...Ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями...». С первой до последней страницы Маяковский рассматривается во времени, в конкретной социальной обстановке.

Годы столыпинской реакции, годы войны даны Асеевым с живой изобразительной силой и темпераментом.

Солидные плечи,
тугие утробы,
алмазные цепи,
блистающие крестов...
В сиянии люстры,
в мерпани сутробы:
земной и небесный
сверкает престол.

Читаешь стихи, посвященные торговой, шулерской Москве, холодному чиновничью Петербургу, и чувствуешь, что автор не просто изображает, «создает фон», а всем существом своим ненавидит тот мир, где «звезды рассчитаны на копейки», что

он — активный борец, полный гнева, сарказма.

И Маяковского Асеев не просто «рисует» кистью безучастного летописца. Он страстно отстаивает живой, неприглаженный, правдивый облик поэта, отстаивает от клеветы врагов «с кошачьим сердцем, в телячьей шкуре», от критического лая «немиловых» всех мастей, от дряни поспешных посвящений и воспоминаний, которых «к решеткам памяти» успели понаести немало. Вся повесть проникнута полемическим задором. Борьба продолжается!

Большое место в повести уделено литературному окружению Маяковского. Хлебникову, Бурлюку, Крученых, Пастернаку автор посвящает прекрасные главы, они проникнуты тем же полемическим жаром, в них отстаивает Асеев свой взгляд на каждого из этих поэтов.

Можно соглашаться или спорить с отдельными выводами Асеева, но главное в том, что взгляды его интересны, свежи, прогрессивны, в каждой строке — страсть литератора, борющегося за свое направление в искусстве, истинная убежденность человека, знающего, о чем пишет, верящего в то, что пишет.

Впрочем, полемичность — вторая сторона повести. Она вытекает из главного — из огромной, властно захватывающей читателя любви Асеева к Маяковскому. Горечь утраты — вот первое, что с новой силой ощущает читатель.

Все так же поют
соловьи в Крыму,
которых
не услышать ему.
Все те же горы
в сизом дыму,
которых не оглядеть ему.

И рядом с любовью к Маяковскому,

переключаясь с ней, звучит неистребимая вера в силу «атакующего класса», которому отдал «Владимир Необходимович» всю свою звонкую силу поэта. В первых же главах в противовес «тузам, катившим по Тверской», в противовес распутинской официальной России встает со страниц повести партийное подполье, укрытое «широким сочувствием масс».

Везде, и там, где речь идет об осинном гнезде литературных гамгстеров, и там, где Асеев беспощадно, «по-Маяковски» разит рвачей и выжиг, — везде ощущаешь за плечами поэта опору, силу, в которую он верит, которая является источником его бодрости, неутомимого оптимизма. Эта сила — народ, эта сила — партия. «Маяковский начинается» — произведение, где нет ни тени лакировки, где острые углы не сглажены, противоречия не затуплены. Оно глубоко оптимистично, правдиво, жизнеутверждающе.

Повесть — не изложение биографии поэта. Каждая из 17 глав может быть названа вполне самостоятельным художественным произведением. Между главами почти нет формальной связи. И тем не менее повесть органически цельна. Ее цементирует внутренняя связь — единство настроений, интонаций, нарастание эмоций, постепенность психологического раскрытия центрального образа. И несмотря на то, что в книге больше поэтических суждений, чем описаний, больше полемики, чем эпизодов, со страниц ее встает живой Маяковский.

Книга прочитана. Но снова и снова хочется возвращаться к ней. И с каждым разом облик Маяковского раскрывается полнее, становится еще ближе и дороже нам.

Ю. ЗЕВИН.